

Анна Пигарёва

Театр сатиры и юмора

Юмористические рассказы

Анна Пигарёва

**Театр сатиры и юмора.
Юмористические рассказы**

«Издательские решения»

Пигарёва А.

Театр сатиры и юмора. Юмористические рассказы /
А. Пигарёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831530-5

«Без смешного нельзя понять серьёзное», — сказал Платон. Так думаю и я. Стараюсь писать о серьёзных вещах с иронией и юмором. Многие герои моих рассказов — сказочные существа, но они так напоминают реальных людей, да и проблемы у них те же. Читайте, улыбайтесь! Я приглашаю вас в свой театр сатиры и юмора.

ISBN 978-5-44-831530-5

© Пигарёва А.
© Издательские решения

Содержание

Список Форбс и Кот в сапогах	6
Бременские музыканты	9
А. П. Чехов приходит в театр без билета	12
Воспоминания старого разведчика	15
Киднеппинг	18
Кощей Бессмертный требует эвтаназию	21
Баба-Яга и Бульдозеры	23
Снежная королева	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Театр сатиры и юмора Юмористические рассказы

Анна Пигарёва

© Анна Пигарёва, 2018

ISBN 978-5-4483-1530-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Список Форбс и Кот в сапогах

Самолет вылетел по расписанию, без всяких задержек, и летел теперь на высоте примерно тридцать тысяч футов со скоростью шестьсот миль в час.

Погода была ясная и все, что было внизу, с высоты открылось геометрическими фигурами – прямоугольниками, трапециями, треугольниками и параллелограммами, окрашенными в разные цвета.

– Это, что же там внизу за сооружения такие? – спросила Королева у своего помощника и одновременно пресс-секретаря.

– Вышки нефтяные, Ваше Величество. Добыча, так сказать, углеводородов. Черное золото!

– Батюшки! – вскрикнула Королева и аж покраснела вся от зависти, вспомнив про свою, одну единственную любимую вышку.

– И чье же это всё богатство углеводородное?

– Да, Маркиза Карабаса, – отрапортовал помощник.

– Как, да разве он ещё жив? А я думала, что это всё одни только сказки.

– Жив здоров.

– Это, что же тот самый бедняк, которому отец оставил кота в наследство?

– Да, именно он.

– А это, что за дым там внизу стелется?

– Чего? Где? – не понял, уже было задремавший в наушниках помощник.

– Заводы это, Ваше Величество, металлургические. Выплавляют сталь, чугун, алюминий и так далее.

– Интересно, интересно, – заёрзала опять в кресле Королева, едва скрывая зависть, выступившую уж очень явно на ее лице. – И кто же, собственно, владеет всем этим? Кто, так сказать, является собственником?

– Минуточку, – засуетился секретарь, – сейчас гляну в Google. И он отчаянно стал колотить по клавишам, ища законного владельца.

– Это всё собственность Маркиза Карабаса. Вот сами посмотрите, – и он перевернул ноутбук, чтобы показать ей экран.

– Как! И заводы тоже его?

– Да, это всё – его.

– Это что ж тот самый, который заказал шикарные сапоги и шляпу для своего Кота, чтобы он выглядел не как кот, а как настоящий джентльмен?

– Он, говорят, последние деньги тогда отдал на это. У него аллергия на кошачью шерсть была, поэтому решил отдать последнее, только чтоб кот убирался.

– Потом и на отца, конечно, была обида – старшим то братьям – мельницу, да осла! Какое-никакое – а наследство. А как Кот ушел, он потом больше уж и не чихал, и глаза у него не слезились.

– Я что-то про аллергию первый раз слышу. Сказки, какие то! В сельской-то местности аллергия не бывает!

Внизу под ними уже пошла сильная облачность, ничего не было видно.

– Доставай тогда карту, – приказала Королева. – Буду по карте смотреть.

Она надела очки. Секретарь тоже надел очки, за которыми уже меньше стало заметно истинное выражение его лица.

– Ну, показывай, – скомандовала Королева, – где мы сейчас пролетаем?

– Примерно здесь, – ткнул наугад секретарь.

– А это что за значки такие, звёздочки восьмигранные?

– Алмазы это так обозначаются, Ваше Величество, на картах. Полезные ископаемые. Natural resources, так сказать. Тут вот их и добывают эти самые алмазы из каких-то трубок кимберлитовых. Название такое, что и не выговоришь.

– Что за трубки такие? Первый раз слышу.

– Вот у Вас, Ваше Величество, ожерелье бриллиантовое, серьги тоже, кольцо, брошка. Всё ведь это из этих алмазов и делается.

– Я за эту брошку тридцать миллиардов тогда заплатила. А серьги, то есть подвески, король подарил на день рождения. Тоже дорогие очень. Кольцо – от лорда одного. Ну, уж фамилию называть не буду.

– Хоть и не называйте, а всем давно известно, – подумал секретарь, – спецслужбы то не зря работают, сразу доложили. Но озвучивать ничего не стал.

– И кому же это всё принадлежит? – поинтересовалась королева, и даже карандашик взяла, чтобы записать фамилию.

– Сейчас уточним, – зевнул секретарь, которому все эти расследования уже прилично надоели.

– Маркизу Карабасу. – сказал он, наконец, – Именно ему.

– Вот ведь какая несправедливость, – пожаловалась Королева, – столько ему принадлежит, а мне то гораздо меньше. Выходит, всё правда, что его Кот съел этого Великана, который, как говорили, умел превращаться в различных животных. Но не нашел ничего лучшего, болван, чем превратиться в обыкновенную мышь. Сам, так сказать, и подписал себе смертный приговор!

– Все, правда. Кот его и съел. Привёл, так сказать, в исполнение, как Вы правильно заметили, этот приговор.

– А где же он сейчас то, этот Маркиз Карабас?

– Да где ж ему быть – в списках «Форбс». В первой десятке, так сказать —«top ten». Переводить, надеюсь, не надо?

– А Кот?

– С Котом хуже. Скончался он вскоре после этого обеда. Лечили его и в Швейцарии, и ещё где-то там. Маркиз не поскупился, всё лечение оплатил. Ничего не помогло. Не смог он переварить эту мышь. Осложнения желудочные пошли, непроходимость. А сапоги его и шляпа сейчас в историческом музее находятся. В виде экспонатов лежат, под стеклом! Занимают отдельную витрину! Вот такая история.

– Ну, ладно, хватит этих сказок, – строго сказала Королева, – Подавайте обед. Пассажиров положено на борту кормить. Входит в стоимость билета. И не забудьте, голубчик, пятьдесят миллилитров ликёра и пирожное, на десерт.

Бременские музыканты

– Работал я у одной кошки богатой телохранителем и пожарным, на полставки, – рассказывал Кот, вытирая слёзы, – А после пожара она меня выгнала. Говорит: «Надо было, дурак, пожарных вызывать, а ты, скотина такая, привлёк непрофессионалов – курица с ведром, козёл с фонарём – смех один! Вот всё и сгорело из-за тебя.

И решил тогда Кот создать музыкальный коллектив и идти в немецкий город Бремен, чтобы работать там уличными музыкантами.

Вот идёт Кот и видит, лежит на дороге собака из мультфильма «Жил-был пёс» и горько плачет.

– Ты что это, пёс, загрустил? – спрашивает Кот.

– Как же мне не печалиться. Выгнали меня хозяева из хаты из-за того, что я горшок с борщом опрокинул.

– Пошёл, – говорят, – отсюда, москаль, проклятый. Иди к своим москалям. Только всё нам тут портишь. И гавкаешь не по мове. Мы лучше волка пригласим из леса хату стеречь. Он хоть и дикое животное, а высказывался за вступление в Евросоюз, в отличие от тебя.

– Пойдем со мной в немецкий город Бремен и сделаемся там уличными музыкантами. Лаешь ты громко. Ты будешь петь и в барабан бить, а я буду петь и на скрипке играть.

– Что ж, – говорит пёс, – пойдем.

Пошли они дальше вместе.

Шли они, шли и увидели петуха, который сидел на дороге и выглядел очень расстроенным, и даже «Ку-ка-ре-ку» не кричал.

Ты что, петушок, грустишь? – спрашивает его Пёс.

– Ах, – говорит Петух, – Жил я с Котом и Дроздом в лесу. Они в лес уходили дрова рубить, а я дома оставался, на хозяйстве – варил, жарил, дом убирал. Повадилась ко мне Лиса ходить. Отношения завязались. Женщина – шикарная. Мех один чего стоит! Меня бывало, обнимет: «Золотой гребешок мой, масляна головушка».

– А эти – лесорубы, естественно, завидовать стали, говорят:

«Мы там, в лесу горбатимся, домой придем – обеда нет, посуда грязная, в избе не метено, а он с Лисой шуры-муры завёл». Да и выгнали меня. «Иди, – говорят, – к своей Лисе, а нам ты больше не нужен». А Лиса меня тоже не приняла в свою нору. Сказала: «Если только бульон из тебя сварить, а так ты мне не нужен».

– А поёдем, Петушок, с нами в немецкий город Бремен и станем там уличными музыкантами. Голос у тебя пронзительный, диапазон широкий. Ты будешь петь и на балалайке играть.

И пошли они дальше все вместе.

Идут и видят – на дороге стоит Осёл, и глаза у него такие грустные.

– Ты что это, Ослик, приуныл, – спрашивают.

А Осёл им тоже рассказал свою грустную историю: «Работал я в одном коллективе. Играл на струнных. Репетировали мы, репетировали. Сначала вроде намечались перспективы. О славе мечтали. Думали, как отрепетируем, как заиграем, тут у нас и лес, и горы запляшут.

– А потом филармонию нашу реорганизовали, а нас всех и сократили. Иван Андреевич, директор наш, так прямо и сказал: «Нам струнные сейчас не нужны, нам сейчас баянисты и аккордеонисты необходимы, для проведения культурно-массовых мероприятий в парках для нашего населения». Ну, типа, играй гармонь и. т. д. Все мы и остались без работы – и я, и Мартышка, и Медведь, и Козёл.

– А, пойдем, Осёл, с нами в немецкий город Бремен и станем там уличными музыкантами. Ты у нас в группе будешь петь и на гитаре играть.

И пошли они дальше все вместе. Решили идти пешком, без виз и заграничных паспортов – лесом.

Настала ночь. И увидели они огонёк невдалеке. И пошли в этом направлении, потому что спать хотели, да и проголодались.

А в этом доме жили разбойники, сидели они за столом, мясо ели, да запивали вином.

А наши музыканты, в виде сюрприза, и ввалились к ним через окно. Хотели их напугать. А разбойники совершенно не испугались, а продолжали жадно есть и пить, и даже не пригласили гостей к столу. А, наевшись, вытерли масляные свои губы о рукава, а руки грязные о штаны и только тогда вступили в диалог с пришельцами.

И, почудилось этим разбойникам вдруг, тут и выпитый алкоголь сыграл свою роль, что никакие они не разбойники, а музыкальные продюсеры и надо им начинать прослушивать конкурсантов.

Расселись они по лавкам с умным видом и начали работать.

Разбойники, как известно, очень придирчивы, в принципе, и неплохо разбираются в шансоне. Не понравились им конкурсанты все, как один. Короче, забраковали они их.

Но и конкурсанты, в свою очередь, так дело не оставили. Собака давай их за ноги кусать, Кот не поленился и расцарапал каждому лицо, никого не пропустил, а Осёл так лягнул это жюри копытом, что они вылетели из домика, а приземлились уже на поляне, а Петух ещё и «Кука-ре-ку» им вдогонку исполнил.

А наши музыканты сели всем коллективом за стол и стали пить, да закусывать, о чем уже давно им мечталось.

– А давайте не пойдем в немецкий город Бремен через границу, да без виз, да без паспортов, – сказал Кот, еле ворочая языком, так как крепких напитков до этого сроду не пробовал.

– А давайте не будем создавать музыкальный коллектив, – сказал Осёл, абсолютно трезвый, несмотря на три литра выпитого.

– А давайте будем и плясать, и петь только для собственного удовольствия, – сказал Петух. – Предлагаю, пригласить Лису, потому что без девушек за столом скучно.

– А давайте сначала станем разбойниками, – предложил Пёс, и оскалился так, что Кот и Петух попрыгали под стол, а Осёл никак не прореагировал.

И они стали отличными разбойниками. И очень быстро собрали необходимую сумму с проезжающего через лес населения, а также с провозимых на транспорте грузов. Им нужны были деньги для раскрутки коллектива, то ли десять миллионов, то ли даже пятнадцать. Потом, уже используя эти денежные ресурсы, они раскрутились, как положено, через радио, телевизор, а также внутри лесных массивов. То есть, запланированная слава, наконец, пришла.

И докатилась их слава до города Бремена, и прислали им оттуда one-way ticket каждому, и исполнили они там свои песни о жизни разбойников в дремучих лесах под аккомпанемент Бременского филармонического оркестра – крепкий лирический шансон. А бременские любители музыки даже плакали, думая, что это про свежий ветер перемен и падение берлинской стены.

То есть, в конце концов, не только сбылась мечта, а даже получилось ещё лучше.

А. П. Чехов приходит в театр без билета

Один режиссер так полюбил А. П. Чехова, что ставил только его пьесы. Поставит, например, пьесу «Дядя Ваня», а потом сразу за «Три сестры» принимается. А после них сразу – спектакль «Чайка». Ну, а потом опять всё по-новой – «Дядю Ваню», «Три сестры», а за ними снова «Чайку», но уже в новой интерпретации.

Но вот однажды, в грустную годовщину смерти писателя, произошло странное событие. Где-то к последнему акту в ложу вдруг садится некий господин – в пенсне, с небольшой бородкой, отдаленно напоминающий Антона Павловича Чехова.

В зале было по традиции темно – спектакль шёл – «Три сестры».

Когда же спектакль закончился, и актёры стали выходить на поклон, этот, предполагаемый Антон Павлович, перелез через барьер ложи и вышел вместе с актёрами и режиссером на сцену. Цель у него была одна – пожать крепким бронзовым пожатием руку режиссеру-постановщику. Собственно, для этого он и сошёл с постамента в Камергерском переулке, на котором стоял неподвижно с 1998 года.

Актёры, как племя неверное и вечно недовольное и режиссером, и репертуаром, и зарплатой, узнав классика по пенсне и бородке, стали вдруг ни с того, ни с сего скандировать: «Зачем живем, зачем страдаем?»

Как бы, опосредованно, жалуясь на режиссера, выбор репертуара и зарплату, но в то же время, выражая почтение, цитированием знаменитого классика. Собственно тут и придраться не к чему – текст из последней сцены пьесы «Три сестры».

Странно, что и зрители, которых никто не заставлял покупать дорогие билеты и идти смотреть спектакль «Три сестры» в новой интерпретации, тоже подхватили этот лозунг.

И громогласное «Зачем живем, зачем страдаем?», в зрительском исполнении, уже даже стало напоминать какой-то политический лозунг, никак неуместный в театре.

Режиссер был человек образованный, читал не только Чехова, но и Пушкина, сразу заподозрил недоброе при появлении бронзового изваяния, но все еще тайно надеялся, что это не к нему. Давал надежду материал, из которого был сделан монумент – бронза.

– Нет, не каменный! – думал он, – Точно! Бронзовый! Не посмеет!

Но бронзовый Чехов, в отличие от реального – мягкого и интеллигентного, от своей затеи отступать не собирался и смотрел не на публику, и не на актеров, а конкретно – в сторону режиссера.

Статуя Чехова. Дрожишь? Ты ставил «Три сестры»?

Режиссер. Да я.

Статуя Чехова. В который раз?

Режиссер. Не помню.

Статуя Чехова. Дай руку.

Режиссер. Вот она.

Бронзовая статуя жмет руку.

Статуя Чехова. Не надо больше пьесы мои ставить.

Режиссер. «Оставь меня,пусти. Я гибну – кончено!»

Проваливается.

Но на этом еще дело не кончилось. Расправившись с режиссером, классик направился в бухгалтерию.

Бухгалтер еще не ушла домой, а только красила губы перед зеркалом. Работая не первый год в театре, она привыкла к дурачествам и розыгрышам актеров. Но здесь было что-то другое. Она это сразу почувствовала, потому что зеркало вдруг выскользнуло из её рук и разбилось на мелкие кусочки, оповещая об уже случившейся беде и предстоящих незапланированных расходах.

Оказалось, что классик не случайно зашел именно в бухгалтерию. Он принес туда заявление с требованием оплатить причитающийся ему гонорар – восемь процентов от каждого сбора, за все спектакли. Вот так фокус!

Оставив остолбеневшую и в полном недоумении бухгалтершу, но, не пожав ей руку, он стремительно вышел, гремя бронзовыми ботинками, и сразу направился в адвокатскую контору, к очень известному адвокату и с его профессиональной помощью, написал подробное завещание на всех своих детей.

Искушенный читатель спросит: «Какие дети? При чем тут дети? У Антона Павловича Чехова не было детей!»

Да, не было. Но он захотел, чтобы они появились!

Не теряя зря времени, он прямо от адвоката поспешил в перинатальный центр. Нашел нужную лабораторию, сдал материал, как положено, и отправился срочно искать суррогатную мать.

И довольно быстро отыскал ее – среди своих же коллег – врачей, – симпатичную, крепенькую докторшу, отдаленно напоминающую Ольгу Леонардовну Книппер-Чехову. Но на ней было не длинное платье с висящим медальоном, как на супруге Чехова, а брюки да медицинский халатик. И разговор, на заданную классиком тему, между ними был не любовно-сахарный, а сугубо деловой и медицинский с использованием латыни в нужных местах.

Когда все проблемы с потомством были решены, бронзовый классик вздохнул с удовлетворением глубоко от того, что все дела переделал, да и зашагал твердой поступью обратно к себе, в Камергерский переулок и встал там на свой гранитный постамент.

С той поры, забоялись режиссеры ставить пьесы А. П. Чехова, опасаясь прихода бронзового гостя.

Примечание:

Памятник А. П. Чехову

Материал – бронза

Постамент – гранит

Воспоминания старого разведчика

Старый седой заяц, одетый в собственный мех, а сверху ещё мягкий махровый халат, садиться к письменному столу писать воспоминания.

Стучит лапами по клавиатуре, остановиться не может, столько накопилось внутри – надо дать выход.

В разведку попал не случайно – отбирали строго, отсеивали жестоко. Взяли сразу. Мужской шарм – раз, уши – локаторы – два, глаза всегда косые и никогда не пьянеет.

Равномерно стучат лапы по клавиатуре в такт горячему сердцу, а холодный ум уж сам подсказывает, о чем писать, а о чём – нет, так сказать, внутренний цензор.

Тогда ещё обратились к руководству по поводу воспоминаний – о чём можно писать, о чём нельзя.

– Про города, про достопримечательности можно?

– Это пишете. На это запрета нет.

– А про еду? Секреты приготовления пищи?

– Можно.

– А про обычаи народов мира?

– Не запрещено.

– Что вы, как малые дети, ей Богу. Всё разрешено, что не запрещено.

И сказали заветные слова, которые каждому разведчику известны во всём мире без перевода, – «Top secret» – нельзя.

– А фотографию публиковать можно?

– Это можно, но только не свою.

Вспоминает старый ветеран, как перебрасывали его через границу, как мячик волейбольный через сетку – туда-сюда, туда-сюда.

Леса дремучие, волчьи тропы, грибы ядовитые, чужие пограничники с недобрыми лицами, с огнестрельным и холодным оружием, поджидающие в кустах. Не себе чего прогулка по лесу? Но ничего, проходил, путал следы, отпугивал собак ищеек разными дезодорантами, целый рюкзак с собой нёс для этих целей.

Потом переодевался в кустах – галстук, пиджак, дипломат в лапу, очки на нос – и работать.

Молодой был, горячий, противоположный пол проходу не давал. Отказываться вроде было тоже неудобно, не вежливо.

Разные были, так сказать, особи – и сытые, откормленные, ароматные, в собственных мехах и бриллиантах из капиталистических стран, и худые, костлявые, голодные и немые из развивающихся, с ещё отсталой экономикой. Отвлекали, конечно, от работы, мешали выполнять задания, а иногда и помогали, зависело от обстоятельств.

Одну забыть не мог. Красавица была – лапы задние – длинные, как у манекенщиц. Брила их лезвием «Нева», привозил ей как сувенир. Рисковал, конечно. А на передних лапах – нежный пушистый мех, пахнувший иностранным шампунем, уши завязывала в бант, наподобие, как у Татьяны Михалковой.

Сказал ей тогда сурово: «Ты больше не душись. Собаки ведь след возьмут по запаху.

С укором посмотрела, любила сильно. Это была их последняя встреча.

Профессиональное заболевание себе заработал и кличку среди товарищей получил – Джузеппе Сизый Нос.

Тут ничего не поделаешь – все чем-нибудь болеют: у шахтёров – силикоз, у врачей-психиатров – шизофрения, – от больных заражаются разными маниями, машинисты поездов в метро, говорят, в старости – темноты боятся.

Иногда приходилось пить и неделю, и месяц, если требовалось по работе.

Глаза, как и раньше – синь голубая, только сизый нос выдаёт старого разведчика. Правда, зеленю руководство не обижало, всегда давало на расходы без счёта – лишь бы был результат!

Уже потом, когда в отставку ушёл, в тур поехал в Италию, друга старого навестить, из своей же гвардии, старого бойца, Карло.

Приехал, естественно не без сувенира, привез полено ему берёзовое. На границе, правда, были проблемы. Вызвало подозрение – зачем полено везете за границу, не поверили, что сувенир. Потом удалось, конечно, уладить этот вопрос по международным каналам.

Старый Карло растрогался, аж целовать полено стал. И сразу – к верстаку – строгать новую куклу. Мастер своего дела!

Сколько он этих мальчишек настрогал! Правда, на отца не похожи – у всех нос длинный, зато нрав и характер – в отца – весёлые, бесшабашные – все артисты. Все любили, как Каштанка у Чехова, когда стружками и клеем столярным пахнет.

Клей нюхали, когда тосковали по отцу, а рубанок почитали больше, чем бензопилу или станок для деревообработки.

И каждый отцу на день рождения со всех концов света – курточку бархатную присылал, а кто и пиджак модный.

У Карло свой театр теперь. Исполнилась золотая мечта. Конечно, тут и руководство помогло с финансами, один бы не поднял это дело, много ли заработаешь, орудуя рубанком!

Эпилог

Старый ветеран выходит из подъезда, оглядывается по привычке, – нет ли хвоста.

Свой-то, пушистый на месте, хотя под брюками, постороннему глазу, естественно, не видно! Так надо.

У подъезда уже ждёт его такси. Старый совсем стал, болят и передние лапы, и задние – врачи поставили диагноз – остеопороз. В булочную ходить стало тяжело.

Открывает дверцу автомобиля с шашечками. Свой же сотрудник приехал, Николай. Все руки в татуировках с номерами телефонов – «Такси по вызову».

Но конспирация, есть конспирация – пароль обязательно – традиция.

Вопрос: «Разменяете 100\$?»

Ответ: «Обратитесь в обменный пункт».

Всё правильно. Сел. Поехали.

Из окна уже следят за ним, как минимум 10 пар косых глаз, принадлежащих сознательным гражданам: «Опять на такси в булочную поехал!», – завидуют они

и садятся писать донос в полицию, – по телевизору объявили – правоохранительные органы не справляются – надо помогать.

«Наши люди на такси в булочную не ездят! ...», выводят все как один одно и то же, как в синхронном плавании выводят фигуры красавицы-плавчихи с прищепками на носу.

Жена не стоит у окна, не утирает слёзы платком, ждала его всю жизнь, в зале ожидания целыми днями просиживала.

В 60 лет уже решила – не дожусь, замуж даже хотела выходить по-новой, а тут и он явился, сказал просто: «Прости, милая, задержался, по работе».

Ничего лишнего, никаких подробностей – не положено.

– Не узнала.

Сказала вежливо: « Вы что дедушка, дверью ошиблись?»

Живёт теперь бобылём и воспоминаниями.

Бросил морковку в блестящий аппарат, нажал на кнопку. И вот уже порция свежего морковного сока, типа squash, готова.

Можно и без жены прожить, когда кругом такая техника!

Киднеппинг

– Они как делают, – докладывал шестёрка, согнувшись в три погибели и заглядывая авторитету снизу в глаза – намельчат, намельчат её этой самой тёркой, и только потом едят.

– Не может быть? – не поверил старый авторитет, который грыз невытую морковку только что выдернутую из грядки.

– Век воли не видать, сам видел, в окно подсмотрел.

– А вот ещё чего вспомнил! Они это дело ещё маслом каким-то поливают сверху.

– Извращенцы проклятые. Но нам надо эту тёрку всё равно достать. Какие поляны намечаешь?

– Тут одна бабка в лесу живёт. Надо к ней наведаться.

– Только смотри, без мокрухи.

– Так ведь, как получится, они ить сейчас старушки тоже – ни себе чего бабульки!

Красная Шапочка, как обычно отправилась навестить бабушку в субботу.

Иди, дочка, прогуляйся. Чего дома-то сидеть. Шапочку не забудь надеть, от клещей.

Волков в лесу уже давно не было – охотники перестреляли, согласно разным постановлениям. Зато появилась банда «Чёрный заяц», которая держала в страхе всю округу.

Девочка, как только вышла из дому, сразу и сорвала шапку с головы. Надоела эта роль. Сколько можно? Правда потом опять надела, вспомнив про клещей и инфекционные заболевания, которые они вызывают. Заболелась.

А в это время около бабушкиной избушки уже стоял и стучался в дверь странного вида посетитель.

– Кто там, – спросила бабушка.

– Это я – Ваша внучка, – прозвучал стандартный ответ.

Бабка посмотрела на изображение, которое дала камера и поняла, что это ограбление.

На окнах у бабки уже давно были установлены могучие решётки, дверь тоже была надёжно укреплена.

Прошли те времена, когда дергали за верёвочку и пускали в дом всех, кого не попадя.

– Как же, открою я тебе, внучек! Иди себе мимо.

Обиженные неприветливостью бабули, косые решили лезть через трубу.

– Она не топит сейчас, точно, – подбадривал подельников Косой в авторитете. – Чего ей топить-то в жару. Смотри. Дыма-то нет. Проскочим.

Зайцы заглянули в чёрную дыру.

– Куда мы прёмся шеф? Чёрная дыра! Пропадём мы здесь. Носом чую.

– Ша, – прошипел главный, – Вперёд! За мной!

Через минуту на крыше стало опять пусто, а из трубы поднялся в небо столб чёрной сажи.

Наблюдавшие из нор оставшиеся в живых обитатели леса, сразу смекнули: «Чёрный заяц»! Кто ж ещё?!»

Тёрку нашли сразу, по описанию. Стояли, с интересом осматривали бока с дырками разного размера, гладили шершавую поверхность.

– А как насчет инструкции, бабуля?

Бабка только зыркнула зло глазами, ничего не стала отвечать. Ну, на нет и суда нет.

– Будешь теперь у нас, старая, в заложниках. Будешь нам морковку готовить, чтобы всё путём, как у людей. Куда ты денешься? Вот такой киднеппинг у нас получается!

Упаковали тёрку в коробку, а бабку, соответственно, в одеяло.

Чуть не уронили, когда несли. Пришлось задействовать аж восемь особей для переноски, меньшим количеством не подняли бы – тяжелая.

– Как выносишь, идиот? – заорал главный. – Она же живая! Нельзя вперед ногами! Мы ж в законе! Нарушать нельзя! Головой вперед выноси, придурок!

Когда охотники прибыли на место происшествия, зайцев уже и след простыл.

На стене – знакомое граффити – черный заяц.

А на крыльце сидела маленькая девочка в красной шапке, плакала горячими слезами и материла всех подряд: и чёрных зайцев за киднеппинг и охотников, которые прибыли, как всегда с опозданием на два часа и ещё вспоминала мать свою, за всё подряд, за старые обиды.

Девочка материлась так просто и искренне, так виртуозно превращала существительные в глаголы, глаголы в прилагательные, прилагательные опять в существительные и даже наречия, что Владимир Сорокин, притаившийся в кустах и записывающий всё подряд, покраснел.

Девочка стала сразу давать показания, затараторила без остановки.

Показала и корзинку с пирожками, и горшочек с маслом.

Охотники слушали ее, зевая, потому что прекрасно знали, что будет дальше, да и сказка эта уже давно всем надоела.

– Ещё, кроме бабушки тёрка пропала, – закончил своё повествование ребёнок.

– Как мы с мамкой морковь-то будем тереть? – опять зарыдала она.

– Не плачь, дочка, – сказал охотник, хотя по виду, Красная шапочка ему во внучки годилась, да и сам-то он не очень был похож на охотника.

– Вернём мы тебе и тёрку, и бабушку.

С тем и улетели, оставив девочку в лесу одну, а на поляне след от своего летательного аппарата.

– Это же не охотники были, – догадалась, Красная шапочка, когда их след в голубом небе со средней облачностью, но без дождя, давно простыл.

– А охотники, наверно, только завтра подъедут, – решила она

и пошла готовить для них свидетельские показания уже в письменной форме.

А ну, косые, марш на помывку, – скомандовала бабка, давно распакованная из одеяла, уже освоившаяся в новой обстановке и начавшая командовать отмороженными, бессовестными бандитами.

Косые, перемазанные сажей, были больше похожи на стадо чертей, чем на зайцев, а уши смотрелись, как рога.

Отпетые разбойники, ни один год проведенные на зоне и привыкшие к лагерным командам, как не странно, сразу подчинились, быстро построились в шеренгу и потопали к реке.

– Шаг влево, шаг вправо... – орала бабка.

– Да, знаем без тебя, огрызались наиболее наглые, а остальные топали молча.

После мытья зайцы стали какие-то жалкие, превратившись из страшных чёрных зайцев в каких-то водяных крыс. Исчезла солидность.

Солнце припекало, и вся орава развалилась на траве, раскинув лапы в разных направлениях.

А тем временем, чёрная сажа сразу поплыла вниз по реке, к другому пляжу.

Минут через двадцать, примерно в километре от этого места из воды вышли на берег девять негрятят. Начались съёмки новой версии художественного фильма. Но это так – детали.

Отказался мыться только один, не хотел, да и не мог подчиниться какой-то сумасшедшей старухе – ишь ты раскомандовалась, не хотел терять авторитет, был в законе.

– Не нравится мне эта бабка. Сдаст она нас всех, чистюля! И добавил еще кое-что в бабкин адрес, плюнул на лапу и стал писать на белом берёзовом стволе.

- Чего ты гонишь, падла? – не удержался от замечания поделщик.
- А чего? – не понял писавший.
- Читай сам!

На белом стволе было выведено «proza.ru».

- Ты бы ещё написал – национальный сервер современной прозы!
- Не, это длинное очень, не поместится.

На соседней берёзе уже нарисовал правильно – черного зайца.

- Вот это дело! Какая-никакая, а традиция!

Постоял, полюбовался на рисунок, да и логотип решил не стирать, оставить для грибников, пусть читают современную прозу.

Стоял, улыбался, получилось, как всегда выразительно и страх нагоняло. Не себе чего, искусство!

Потом вспомнил про все эти дела с мытьем, опять нахмурился.

«Сдаст она нас, падла. Надо с ней кончать, с чистюлей этой.

Бабка стояла на берегу, переминаясь с ноги на ногу.

- Мне бы в туалет, любезные, по- маленькому, – сказала, не глядя в глаза.
- Ну, беги, – разрешил Чёрный заяц, только быстро, не задерживайся.
- Да, я мигом, – снова соврала бабка и побежала в кусты.

Там она не стала ничего делать, а быстро достала мобильник и набрала 02.

В трубке забубнили «... isn't available, isn't available.»

- «Ты зашухерила всю нашу малину и за это пулю получи...»

Раздался выстрел, потом второй, контрольный – в голову.

Сделав своё черное дело, он выбрал самую спелую ягоду-малину, съел прямо с куста, смачно, а листья колючие выплюнул и подтвердил приговор ещё раз:

- Ты зашухерила всю нашу малину, чистюля!

– Тёрку завещаю внучке. Не выполните, с того света достану. Не себе чего прогулка! – прошептала бабка и отключилась....

Через 20 минут на берегу кроме бабки, распластавшейся под кустами малины, никого не осталось. Зайцев и след простыл. Только помятая трава напоминала о странных событиях.

Бабуля бодро встала, отряхнулась, съела пару ягод с куста, сказала с чувством: «Я тебе покажу – зашухерила! Я тебе покажу, чистюля, черт косоглазый!» И пошла себе домой.

Патроны у зайцев, конечно, были ненастоящие, хотя шум и грохот от выстрелов получился солидный.

Кощей Бессмертный требует эвтаназию

Кощей Бессмертный. *(Кричит скандальным голосом.)* Требую эвтаназию! Слышите? Надоело всё, надоело всё: и сокровища эти несметные и всё остальное.

Врачи. Да бросьте Вы! Чего придумали! Поживёте ещё. *(Говорят в сторону, чтобы он не слышал.)* Опять у него истерика! Столько сокровищ имеет. Казалось, живи себе и радуйся.

Кощей Бессмертный. Нет, не хочу. Всё надоело. Требую эвтаназию.

Врачи. А мы-то что можем сделать? На Вас же ничего не действует: ни лекарства, ни яды. Уже ведь проверяли. Тогда ещё насчет ядов нас и режиссер Шахназаров консультировал. *(Косятся на сундуки с сокровищами.)*

Кощей Бессмертный. Да берите, сколько хотите, всё равно пропадает зря.

Врачи открывают сундуки, берут, рассовывают по карманам.

Кощей Бессмертный *(врачам).* Военных тогда зовите ко мне.

Входят военные.

Кощей Бессмертный. Хочу сражаться не на жизнь, а на смерть. Вернее, хочу сражаться на смерть, а не на жизнь. Понятно?

Военные. *(Говорят между собой.)* Вот привязался, нечистая сила. *(Обращаясь к Кощей)* Как с Вами сражаться-то? Радиация Вас не берет. Уже испытания проводили. Ни альфа -, ни бета -, ни гамма-лучи Вас не берут.

Кощей Бессмертный. Помню, помню. Сколько я вам сокровищ-то передал на эти эксперименты! Заморочили мне тогда голову-то – этому гранты давай, тому давай? Пятому, десятому.

Военные. Что Вы нас опять грантами-то попрекаете! Точечные удары на Вас не действуют. Сколько на Вас боеприпасов-то израсходовали тогда! Все нам траектории переломали, перепортили! Никакого результата. Ничего Вас не берёт. Нет у нас такого оружия, чтобы с Вами справиться.

Кощей Бессмертный. Ну и пошли вон тогда.

Военные косятся на сундуки с сокровищами.

Кощей Бессмертный. Да берите. Все равно пропадает зря. *(Обращаясь к военным.)* А вот я тоже что-то слышал, типа, яйцо в утке, утка в зайце... *(С надеждой)* Не знаете?

Военные. Нет. Не по нашему ведомству. Это Вам к работникам сельского хозяйства надо.

Входят Работники Сельского Хозяйства. Косятся на сундуки с сокровищами.

Кощей Бессмертный *(обращаясь к ним).* А вот я тоже слышал: яйцо в утке, утка в зайце... Вроде, то ли сказка какая-то есть, то ли легенда. Ведь от меня всё скрывают! Ведь ничего не добьешься ни от кого!

Работники Сельского хозяйства *(переглядываются).* Это в китайский ресторан Вам надо: «Утка по—пекински», «яйцо – пашот». Это у них. Это из меню, наверно.

Кощей Бессмертный. Нет, там вроде еще говорили, что, якобы, на дне моря что-то лежит. Уронили что-то важное.

Работники Сельского хозяйства. Ну, если на дне моря, это надо с водолазами связываться, может с МЧС. Но они это только за деньги ныряют, то есть погружаются – опасная

работа. Можем водолазов Вам позвать. Сейчас свяжемся. Сейчас техника позволяет. Достанут, если что упало. *(Косятся на сундук с сокровищами).*

Кощей Бессмертный. Да берите. Не жалко.

Водолазы *(входят в полном обмундировании).* Штормит сейчас. Нельзя сейчас никакие работы проводить. Подождать надо будет.

Кощей Бессмертный. *(Капризно).* А я сейчас хочу. Немедленно. *(Кричит.)* Хочу самоуничтожиться!

Школьник. А ты дед нажми на «Delete».

Кощей Бессмертный *(с интересом, настороженно).* Как это?

Школьник. Ты дед – есть виртуальная реальность, понятно?

Кощей Бессмертный *(с уважением глядя на школьника).* Да? Так ведь я ж не в курсе был. Спасибо. Может, что из сокровищ моих возьмешь? Хотел отблагодарить, так сказать, за помощь.

Школьник. Так они ж у тебя тоже виртуальные, сокровища твои. Не, мне не надо, спасибо. Жми на «Delete», дед. Не сомневайся.

Кощей Бессмертный жмет на «Delete» и исчезает вместе с сокровищами.

Потом и медицинские работники, и военные, и работники сельского хозяйства, и даже водолазы еще долго вытряхивали из карманов какие-то ракушки и ругали нечистую силу.

Баба-Яга и Бульдозеры

Накануне вечером Баба-Яга долго не могла заснуть, ворочалась на лавке. Опять осталась без ужина. В голову лезли неприятные мысли: про возраст, про одиночество, про то, что некому подать стакан воды. А утром разбудил её шум моторов и громкие голоса, которые раздавались снаружи.

– Кого ещё там черт принес в такую рань, – заворчала недовольно.

Как только проснулась хозяйка, то и вокруг неё всё пришло в движение: зашуршали мыши по углам, пауки встали к вязальным машинам и принялись вязать новые метры паутины для украшения жилища, тараканы стали разминать лапы, готовясь к выступлениям на местной олимпиаде, и откуда-то с потолка спрыгнул ей на спину чёрный кот.

– Пшёл вон, – сказала зло, – брысь отсюда.

Побрела к окошку, ворча и ругаясь.

Избушка была окружена со всех сторон бульдозерами и тракторами, рядом с которыми, ярко выделяясь на фоне зелени, стояли загорелые бульдозеристы в оранжевой спецодежде и начальники в парадной форме – белые рубашки, галстуки, в руках – папки с документами.

Чёрный кот сразу оценил ситуацию:

– Избу сносить приехали! Всё! Нам хана!

– Это мы ещё посмотрим: кто кого, – сказала Баба-Яга злобно, – но сама уже почуяла – сила – на их, не на её стороне – с такой техникой воевать бесполезно.

На Бабу-Ягу в последнее время сигналы в инстанции поступали регулярно.

Дело в том, что её избушка стояла довольно близко к детской площадке. И гуси-лебеди, выполняя хозяйские поручения, регулярно кружили и над песочницей, и над качелями, высматривая ребёночка посимпатичнее и потолще. А, если какая-нибудь мать зазевалась, и хватала глупых детей, подманивая их то игрушкой, то конфеткой. Всем известно, что Баба-Яга – большая любительница маленьких толстеньких детишек.

Однако вкусный ужин регулярно срывался. Во-первых, дети попадались капризные, бабушку не слушались, называли «Дурой».

Во-вторых – мыши, которых было полно в избе, вели себя примерно так, как ведут себя чиновники в учреждении, то есть вроде бы находились на службе у Бабы-Яги, а служебные поручения выполняли недобросовестно. Вымогали взятки у детей, говоря: «Дай мне кашки, я тебе добренькое скажу...» и организовывали вкусным детишкам побег из заключения, хотя в соответствии с должностной инструкцией, должны были их как раз стеречь.

В-третьих – и гуси-лебеди относились к своим обязанностям формально – вроде бы и летели вдогонку, но не особенно и спешили, и возвращались ни с чем. А в журнал полётов записывали всякую ерунду, типа:

– Задержание сорвалось ввиду плохой видимости.

– Не могли взлететь из-за проблем на взлётной полосе.

– Повреждение крыльев при столкновении с другими летательными аппаратами.

– На заправке закончился керосин, и.т.д.

Потом и внутри коллектива был полный разлад. Кот ненавидел мышей, мыши – кота. Была и какая-то даже кастовость – гусей-лебедей, например, в избу не пускали, ночевали на крыше в любую погоду. Старуха вроде обещала им когда-то соорудить бассейн, потом забыла – возраст, склероз.

Баба-Яга вышла к представителям властей в традиционном наряде, непричесанная (см. картины В. М. Васнецова, иллюстрации И.А.Билибина).

Её попросили предъявить документы на себя, на кота, на избушку, обвинили в незаконной застройке леса.

Говорили непонятные слова – про кадастровый номер, требовали показать разрешение на застройку.

Баба-Яга сначала храбрилась – пыталась запугать обидчиков, грозила позвать Змея Горыныча и других для защиты избушки, несколько раз бросала представителям властей клубок, дезориентируя их и посылая их в другую сторону – мол, идите за клубком, где он остановится, там и начинайте работы; насылала на них гусей-лебедей, которые – во-первых – пачкали всем одежду, во-вторых – щипали, а в-третьих, пытались сорвать головные уборы и клевали пластмассовые каски. А куриная нога вообще повернула избушку к лесу передом, а к началству – задом. Знай наших!

Собрался народ. Думали театрализованное представление – артисты приехали.

Но нечистая сила с помощью этих примитивных методов смогла продержаться недолго. Все проблемы и с пожилым человеком, и с избушкой были решены в один момент.

Куриная нога была отправлена в ресторан, – на студень.

Гусей-лебедей поместили в зоопарк, на пруды.

Кота – в спецприемник для бездомных животных.

Мыши сдались сами, и вышли строем, подняв лапы вверх. Взамен страшной смерти в мышеловке или от ядов, они предпочли пойти работать в науку. Хотя и сидели потом в клетке всем кагалом, зато кормили отлично, и обращение было культурное.

А Бабу-Ягу отправили, естественно, в сумасшедший дом на принудительное лечение.

Медицинские работники слушали Бабу-Ягу внимательно, не перебивали, задавали толковые вопросы, типа:

– Сколько Вам лет, бабушка?

– Не болели ли желтухой родители?

– Наблюдались ли ранее у психиатра?

От уколов баба-яга отказываться не стала, подставляла любое место и санитарам и медицинским сёстрам – раз так надо. Таблетки принимала с удовольствием, то есть для врачей – идеальный пациент.

Поэтому, когда выписалась, изменилась до неузнаваемости – то есть – обыкновенная старушка-пенсионерка. Полюбила ходить в зоопарк, на пруды – кормила лебедей.

Снежная королева

Снежная королева – красивая, но холодная на ощупь женщина, сидела в задумчивости на троне, который издали, можно даже было, принять за обыкновенный сугроб, и соображала – как же ей отпраздновать новый год.

Обычно она справляла его дважды – с 31 на 1-ое, а потом соответственно – с 13-го на 14-ое, по старому стилю.

С 31-го на 1-е – со своими замороженными, то есть, со снеговиками и снежными бабами.

«Терракотовое войско», – говорила она, с гордостью оглядывая свой народ, – почти такое же, как у китайского императора Цинь Ши Хаунди.

Замороженные умели веселиться – пели и плясали от души, катались с горок, валялись в снегу, не боясь промокнуть и простудиться, орали песни.

Что касается праздничных столов с закусками и спиртным, то этого не было вообще. Никто бы ничего есть не стал, а тем более пить – желудков и вообще внутренностей ни у кого не было. Был снежный монолит, ведра, морковки, да фальшивые пуговицы, да шарфы, да у некоторых шляпы на лысой ледяной голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.